главие дает четкое представление о жанре — «сцена», т. е. сцена как форма драматического произведения. Название подтверждается и развитием действия. Именно быстрое развитие действия, обрисовка характеров главных действующих лиц — Фауста и Мефистофеля, остродинамический диалог — все осуществлено в «Сцене из Фауста» по законам драматургии.

Содержание «Сцены» также сознательно открыто связано с трагедией Гете «Фауст». Пушкин считал «Фауста» «величайшим созданием поэтического духа», который «служит представителем новейшей поэзии, точно как „Илиада" служит памятником классической древности».[5] Сопоставляя «Манфреда» Байрона с «Фаустом» Гете, он называл его подражанием, указывая, что Байрон «ослабил дух и форму своего образца».

Более того, Пушкин знал, что образ Фауста не есть изобретение Гете. Ему было известно, что он — герой народной легенды, созданной в эпоху Возрождения и Реформации по материалам биографии исторического лица — доктора Фауста, жившего в середине XVI в. Фауст — сильная и мятежная личность, бросившая вызов богу, заключившая союз с «вечным врагом человечества», идущая на все во имя знаний и наслаждений, — стал достоянием множества известных и анонимных авторов. Долгое время Фауст и Мефистофель были героями немецкого кукольного театра; в XVIII в. он вдохновил многих «бурных гениев» (обо всем этом Пушкин знал из книги мадам де Сталь «О Германии»), под пером которых Фауст был превращен в мятежного индивидуалиста (книгу одного из них — роман Клингера «Жизнь, деяния и гибель Фауста» Пушкин читал во французском переводе 1802 г.).[6]

Итак, для Пушкина Фауст — мировой образ, порожденный эпохой Возрождения и ставший характерным героем европейского романтизма. Важно при этом помнить, что и Гете в восприятии Пушкина — «великан романтической поэзии».

«Сцена из Фауста» — это маленькая трагедия, стоящая в ряду со многими другими европейскими произведениями о Фаусте, но сознательно соотнесенная Пушкиным с самым крупным и гениальным сочинением о Фаусте — трагедией Гете. Следует подчеркнуть при этом, что образ Фауста, его философия жизни, его идеалы и нравственные представления носили не только общечеловеческий характер, но и были одновременно выражением немецкого самосознания. Уместно в этой связи напомнить одно замечание Белинского: «„Фауст" Гете — мировое, общечелове-

---

[5] Об осведомленности Пушкина в немецкой литературе и знании «Фауста» см.: Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1937. — Новый свод работ на ту же тему, к сожалению, мало что добавляющий к уже известному, принадлежит американскому ученому: Gronika Andre von. The Russian image of Goethe. Philadelfia, 1968.

[6] См.: Цявловская Т. Г. «Влюбленный бес». (Неосуществленный замысел Пушкина). — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III. М.—Л., 1960.